

Неслучившееся будущее

21 февраля 2024

«Увидел людей, достал телефон и нажал кнопку», — так Дмитрий Марков иногда отвечал на вопрос о том, как он делает свои фотографии. При этом его фотоальбомы «Черновик» и «Россия в квадрате» печатались несколькими тиражами — желающих купить их было слишком много. Дмитрия Маркова не стало 16 февраля. Редакция «Новой вкладки» попросила тех, у кого есть эти книги, прислать кадры, которые тронули больше всего. Многим он запомнился оптикой, через которую видел страну и людей: он готов был понять и принять всех, включая тех, с кем многие не готовы были даже разговаривать.

Анастасия Лотарева, журналист, Москва — Рига:

— Я не буду выбирать любимые фотографии, потому что все они у меня любимые, да и не то это слово, которое подходит к работам Димы Маркова.

Мы с ним познакомились в Хабаровске, где должны были читать какие-то лекции. Когда подходила к месту проведения, меня окликнул чел в «Адидасе» на кортах, буквально «Курить дашь?» Я обернулась, он встал, подошёл и говорит: «Ну, ты Лотарева же, да?»

Диму, как и меня, очень интересовали сироты. Когда я пришла в «Такие дела» и написала первый материал про сиротскую систему, дальше она стала проявляться, вставать перед моими глазами — огромная уродливая конструкция, которую очень хотелось снести, несмотря на всю её устойчивость. Придя в своё время в псковский приют «Росток», Дима, думаю, не произносил пафосных слов и не строил планов. В общем-то, как в глазах у него была встроенная композиция и видоискатель (для которых не нужно было ни дорогих объективов, ни особенного обучения, он так ВИДЕЛ), так и с этими пацанами в приюте — встроенное этическое чувство, органичное вживание в ткань жизни.

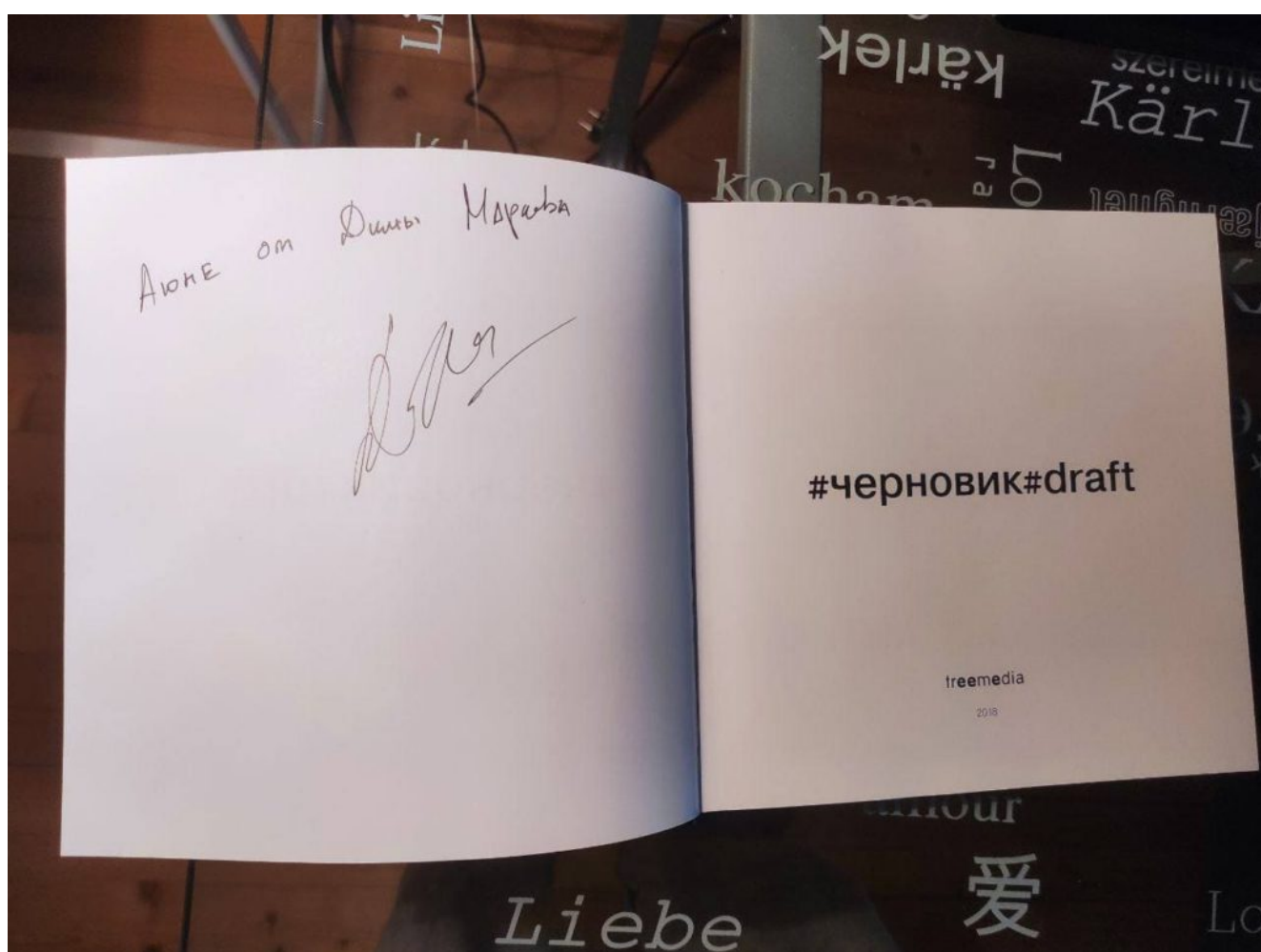
Мы много говорили и тогда, и после про самые разные штуки, с ним было легко и как будто бы ты знал его сто лет. Как журналист я писала много некрологов, но я не могу писать некролог Диме, просто не получается.

Когда меня выдавили из моей страны — быстро, жёстко и так, что не получается ни смириться с этим, ни строить какие-то дальнейшие планы — я взяла с собой «Черновик». Эту книжку подарил мне он, и сейчас я думаю: чего ж я не попросила тогда подписать её, ну как так?

В общем, несмотря на то, что с вещами в этом бегстве было так себе, немного России я с собой взяла. России моей и Димы Маркова. России, куда я обязательно вернусь.

Аюна Шагдурова, фотограф, Санкт-Петербург — Улан-Батор:

— В 2018 году Дмитрий подписал мне первое издание «Черновика». Книга осталась в России у родителей. Созвонились с мамой и вместе через видеосвязь просмотрели её. Смотрели, смеялись и удивлялись. Попросила маму отправить фото страниц, которые ей больше всего понравились. Мама сказала, что отнесёт книжку на работу и коллегам покажет.

Эвелина, фоторедактор, Москва:

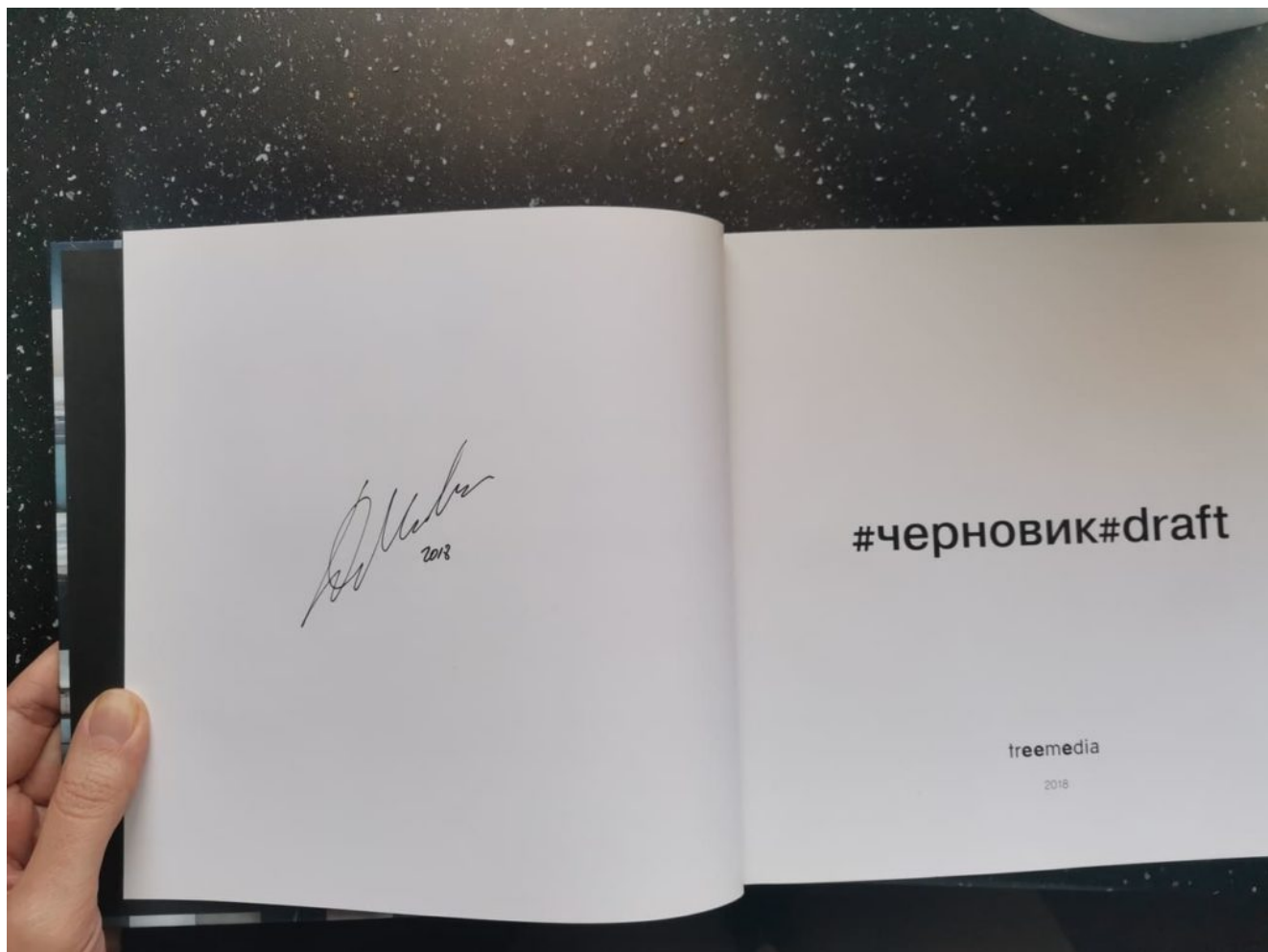
— О Диме я узнала, кажется, в 2011 году. Он тогда вместе с другими волонтерами помогал вытаскивать детдомовских ребят из ПНИ, пытаясь адаптировать их к самостоятельной жизни. Обо всём этом Дима очень круто писал в своём ЖЖ и, конечно, фотографировал. Получалась такая гонзо-

журналистика с полным погружением автора в описываемые события. Даже не знаю, что зацепило меня больше: его тексты или его фотографии. Довольно редкое явление, когда два этих таланта сочетаются в одном человеке.

Дима казался искренним и ранимым человеком, который не боялся приближаться к чужому горю. Его уникальность состояла ещё и в том, что, будучи настоящим художником, он был своим для тех, кто максимально далёк от искусства и всего, что с ним связано. И ещё, мне кажется, у Димы был особый талант дружить: если он появлялся в чьей-то жизни, то становился важной её частью. Я, к сожалению, была мало знакома с ним лично, но он оказал на меня большое влияние, которое мне ещё предстоит осмыслить.

Я выбрала эти две его работы, потому что в них особенно хорошо видно то, что я очень люблю в его фотографиях: способность видеть красоту во всём и во всех.

Сергей Карпов, визуальный документалист и продюсер, Волжский — Майнц:

— У меня нет с собой книги [со снимками Дмитрия Маркова], но на нашем холодильнике висит вот эта открытка из лагеря [«Балапанлар»](#) с фотографией Димы.

Для меня смерть Димы в одном ряду со смертью Алексея Балабанова, Егора Летова, Александра Расторгуева, Владимира Шарова. Что-то он такое знал о нас всех, как-то так по-особенному проживал наше трудное время, что не давало возможности забывать о боли, но вместе с этим учило радоваться и любить. Дима страдал от того, что видел вокруг, от своей зависимости, от нечуткого мира и старался починить его своей любовью и объятиями. Я учился у него фотографировать раньше, но сейчас буду учиться у него любить, потому что, если мы не научимся этому, нас больше никто

не обнимет.

Ксения Солодова, координатор спецпроектов «Ночлежки», Санкт-Петербург:

— Дмитрий приводил в пример эту работу на своём Artist talk в музее [«Гараж»](#). Она про то, как человек может быть незаметен для общества, обезличен. Перекладина, закрывающая глаза, — прекрасный пример того, как с помощью визуального можно говорить о социальном.

Сергей, градостроитель, Москва:

— Я узнал о Диме Маркове года четыре назад и моментально влюбился в его стиль. Возможно, потому, что я архитектор, мне понравились светлые, идеалистичные композиции, с чёткой геометрией и линиями, параллельными кадру. Контраст с чумазыми детьми и хмурыми прохожими, которых мы каждый день видим на окраинах города и которых ни у кого не возникало идеи фотографировать. Тем более фотографировать красиво, с любовью.

Я вырос на окраине промышленного города, поэтому увидел в его работах всё то, что видел вокруг себя с детства. Дима научил меня видеть красоту там, где я её не замечал: в простых вещах и незаметных сюжетах.

Дмитрий Бабкин, фотограф, Санкт-Петербург — Лондон:

— В Армении я случайно познакомился с дочкой фотографа Владимира Соколаева, она была в футболке с фотографией книги «Россия в квадрате» Маркова. Эта книга — единственная, которую я взял с собой, когда уезжал из России полтора года назад. Уже позже, когда выходила вторая книга, я сразу заказал её, а друзья из «Докдокдока» переслали её мне.

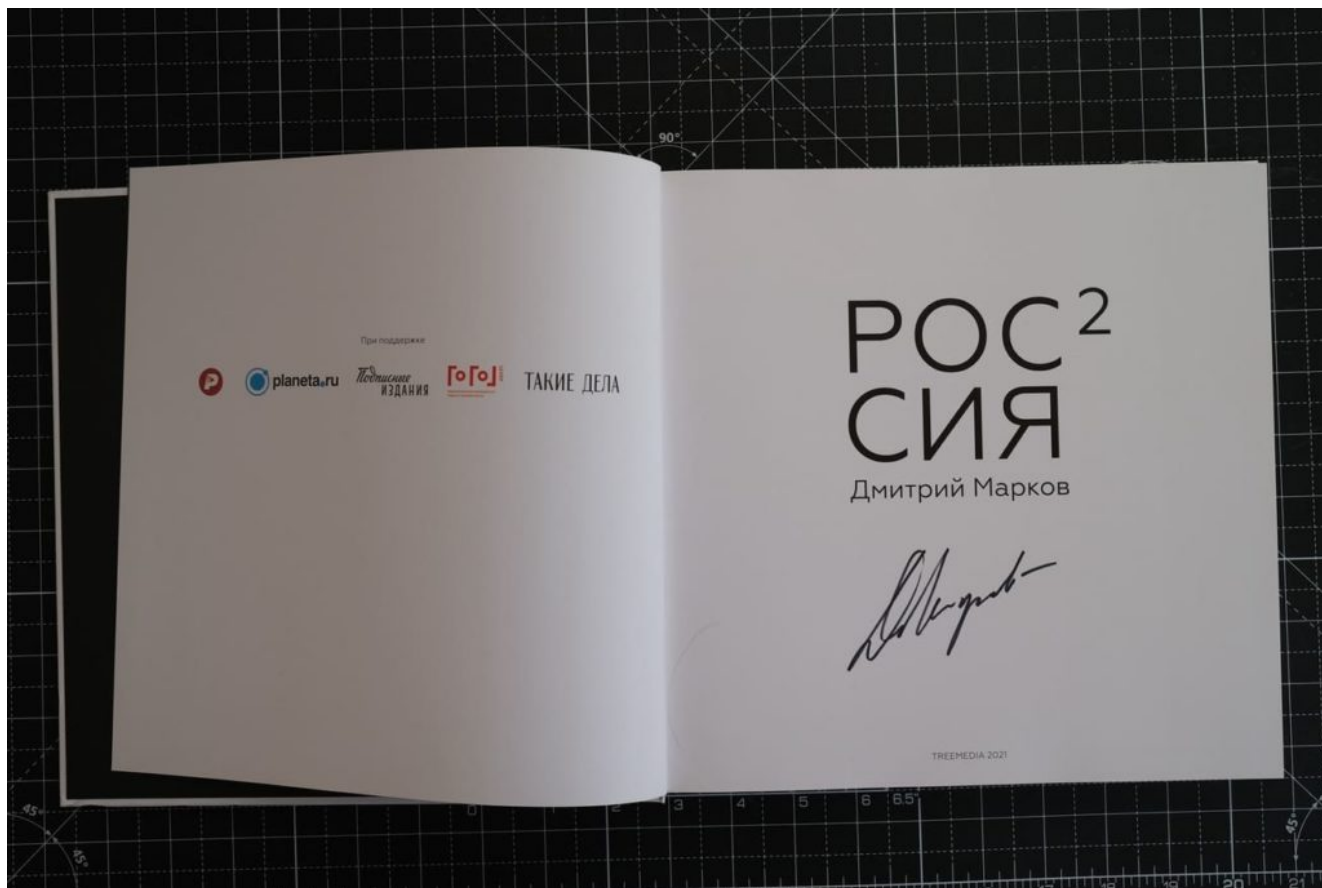
Я выбрал две фотографии: первая, где трое молодых парней сидят на берегу реки и смотрят на мост. Такой рефрен к [Дейнеке](#) и его картинам, со здоровой романтикой и культом тела, тёплым воздухом, с такими сильными планами на светлое будущее в России, которое не случилось ни до, ни после начала репрессий в 1930-х. И такое же ощущение от этой фотографии: такая молодость, красота и сила на остатках неслучившегося будущего, когда чувствуется, с каким витком истории этим парням придётся столкнуться. Какое-то ощущение и сиюминутной силы, и бесполезности завтрашнего дня.

Вторая фотография вонзилась в меня уже после смерти Маркова, когда

пошла реакция в Сети на его смерть. У кого-то в сторис я увидел эту фотографию со словами «Дима, ты куда???»

И слова, и фотография очень совпали для меня. Марков как образ, может быть, отца или старшего брата в этом мире очень тяжёлой России, который всегда будет там, добавит всем разумности или души какой-то, поможет увидеть что-то ценное в этом мире. И с другой стороны — человек, который покажет и расскажет нам, что происходит и не даст этому тяжёлому миру совсем потеряться. И этот человек уходит, уезжает на каких-то адовых лыжах по снегу в пустоту, в какую-то грёбаную даль, дальше за купола. Я, как во сне, почувствовал себя ребёнком в той части мира, который он снимал, а его — как отца, который по каким-то обстоятельствам безумным и по какой-то тургеневской мумушной логике оставляет всё и уезжает прочь.

Иван, директор компании по производству строительных материалов, Санкт-Петербург — Алматы:

— Мне очень нравилось в Димином творчестве умение сочетать нашу российскую, часто не очень эстетичную фактуру и ракурсы, свет картин Ренессанса. Вот моё любимое фото — юноша в поезде. Снят, как будто Святой Себастьян.

Дима был для меня тем человеком, который мог связать очень разные слои в России: объяснить и донести до условного жителя Патриков, как живёт страна, мог поговорить и с теми, и с теми. А теперь его не стало. Мы и так очень разделены, ещё и соединить нас больше некому.

Настя Дубровина, фоторедактор и фотожурналист, Москва — Варшава:

— Когда я уезжала из России, бóльшую часть книг пришлось раздать, но Марков, конечно, поехал со мной. Помню, как купила «Черновик» летним вечером в Питере, села на улице пить вино и, пока длилась белая ночь, рассматривала фотографии и читала. Сложно выбрать из книги одну-две любимые фотографии. Считаю, что Марков не только повлиял на меня как на фотографа — он был примером доброго человека, который не бездействует перед лицом зла.

Виль Равилов, фотограф, Прокопьевск:

— Году в 2017-2018-м я был на артист-токе с Дмитрием Марковым в одной из фотошкол в Санкт-Петербурге. В фотографической среде он был уже очень известен, поэтому там собралась большая толпа. Мне ещё тогда показалось, что люди пришли в надежде услышать какую-то фотографическую мудрость, истину, которая откроет им секрет Маркова. Но он был малоразговорчив. Такое чувство, что он стеснялся такого внимания. Рассказал про учёбу у Лапина, что он был у него троечником. Да и в целом про свои фотографии говорил в духе: «Ну вот здесь я увидел людей, достал телефон и нажал кнопку».

В тот момент в стране появился вот этот Ренессанс зоновской культуры. И я помню фото Маркова из какого-то забайкальского города, где подростки совершили нападение на полицейский участок. Я ещё тогда подумал, что подобные темы может снимать именно такой человек, как Дмитрий Марков.

В Санкт-Петербурге я встречал много разных фотографов, которые снимали в сложных местах, в том числе в горячих точках, и многие бравировали своими поездками. На этом контрасте меня поразила скромность Маркова. Он так говорил, словно не он снимает, а фотография сама как-то случается.

Все мои друзья и знакомые, не имеющие отношения к фотографии, знают или видели фото Маркова. Он несомненно повлиял на многих моих знакомых фотографов, да и на меня, конечно, за что ему огромная благодарность. Мне вообще кажется, что он был рок-музыкантом от фотодокументалистики. И, к сожалению, как многие рокеры, сильно рано ушёл.

Хотелось бы, чтобы появился какой-то фонд или фотоконкурс его имени. И чтобы обязательно благотворительный. Дмитрий Марков много помогал

другим, и надо продолжить это дело в его честь.

Из книги «Россия в квадрате» я выбрал фото с Полей из деревки, потому что мне очень нравились выпуски их совместных поездок. И я люблю снимок с двумя девочками — это прям волшебство какое-то, кадр из сказки.

Михаил, фотограф, Москва:

— Я следил за творчеством Димы Маркова со времён его блога в ЖЖ и наблюдал его переход от фотокамеры к съёмке на мобильный телефон. Его взгляд большого художника смог раскрыть лицо современной России, и меня удивляет контраст между масштабом творческой задачи и миниатюрностью инструмента, которым он решал эту задачу. Его переход к мобильной фотографии во многом вдохновил меня активнее и свободнее снимать на телефон и сделать этот тип съёмки полем для визуальных экспериментов.

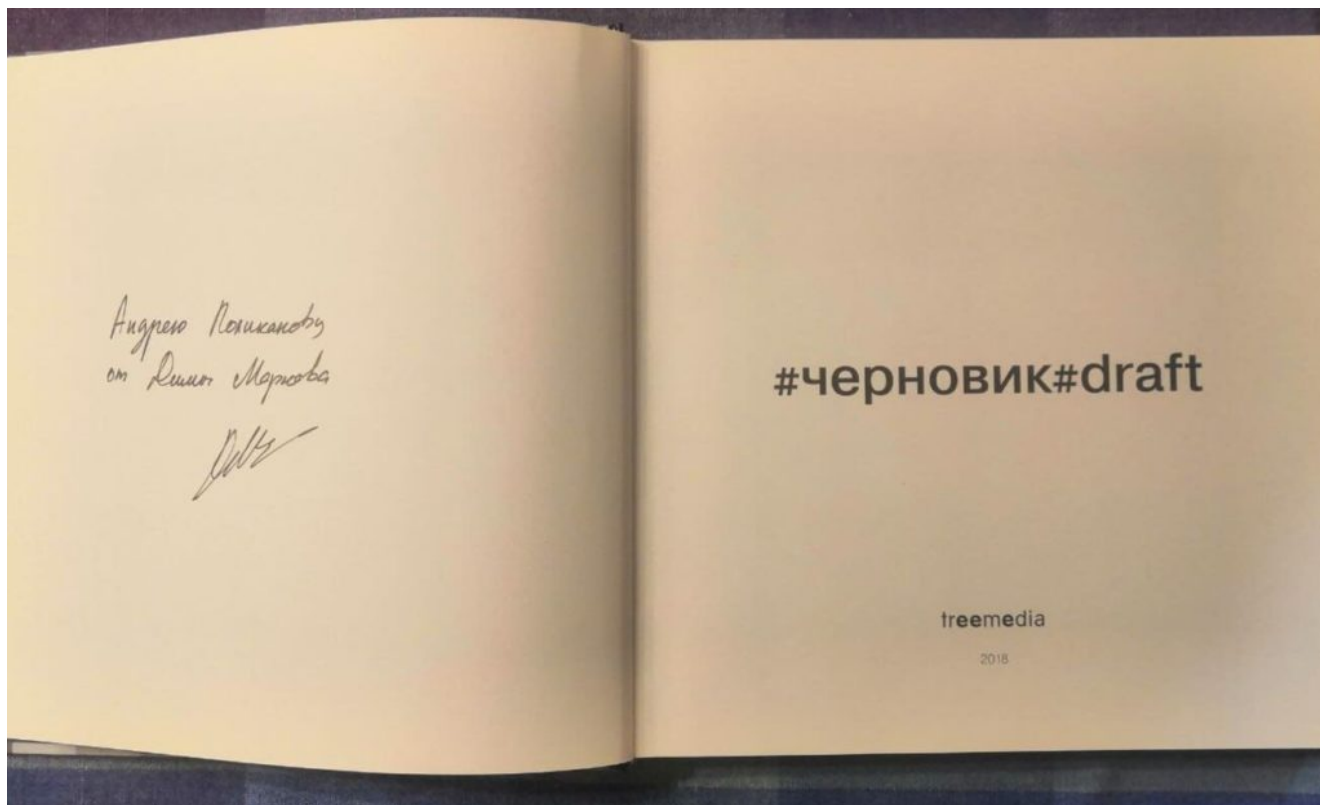
Две фотографии, которые я выбрал, — они как будто плод авторского воображения. В них главный герой — не сцена, а сам автор.

Андрей Поликанов, фоторедактор «Черновика», Москва:

— Время, когда я работал над Диминой книгой «Черновик», было одним из самых счастливых в моей жизни фоторедактора.

**Леонид Гусев, издатель книг
«Черновик» и «Россия в квадрате»,**

Москва:

— Место, которое Дима занял в нашей фотографии, до его появления было абсолютно пустым. Не могу припомнить никого, кто фотографировал бы Россию с такой любовью и так правдиво. А это сложно. Так думаю.

Ещё думаю, что и в Диминых фотографиях и в нём самом была не только правда, но и большее. То, что в йоге называют благожелательной правдивостью. Этот термин означает, что правду уместно говорить лишь в тех (немногих) случаях, когда это может принести пользу людям.

Кстати, о йоге в последние полгода мы с Димой говорили не один раз, он ею интересовался.

Так вот, уверен, что в Диминой работе была только та правда, которая никого не унижает и не озлобляет.

Я был очень счастлив помогать Диме. Не как издатель — как человек. Возможно, в какой-то мере работа с ним была оправданием моего существования в последние несколько лет.

Я не знаю, кто в России покупает фотокниги. И зачем они это делают. Наверное, чтобы поучиться. Пополнить коллекцию. Испытать приятность тактильных ощущений от хорошей бумаги. Восхититься сюжетом, моментом, цветом или композицией. Перепродать, в конце концов. Все эти причины наверняка присутствуют. А вот почему покупают книги Димы Маркова и покупают так много?

Наверное, из-за всего перечисленного выше. И ещё, как мне кажется, есть одна причина. Дима каким-то волшебным образом с любовью показывает нам то, на что мы и так смотрим каждый день. Правда, никакой любви при этом не испытывая. А нам она нужна.